

Хань Цзин нахмурился. Он все еще пытался поддержать упрямо отталкивающего его Мориса, хотя дыхание его было прерывистым от переполнявших грудь эмоций.

Сначала Морис сбрасывал его звонки один за другим, затем заставил выкроить время лишь для того, чтобы в итоге просто не прийти, заставив прождать всю ночь напролет. И вот теперь, после стольких часов тревоги и глухого раздражения, Морис с порога осыпал его обвинениями. Сдерживать гнев, копившийся в душе Хань Цзина, стало невыносимо.

«Неужели он не понимает, как сильно я за него боюсь?!»

Хань Цзин едва сдерживался, готовый сорваться на крик, как вдруг сопротивление Мориса сошло на нет. Ослабевшее тело на мгновение обмякло в его руках, и Мориса снова согнуло пополам — судорожно зажав рот ладонью, он в очередной раз бессильно склонился над унитазом.

При виде этого мертвенно-бледного лица и затуманенного от боли взгляда сердце Хань Цзина болезненно сжалось. Позабыв о недавней злости, он бережно прижал Мориса к себе и, стараясь говорить как можно мягче, произнес:

— Извини, я погорячился. Но ты должен наконец признать: с твоим здоровьем творится что-то неладное...

— И что же со мной не так?! — резко оборвал его Морис.

Справившись с очередным приступом тошноты, он вскинул голову и яростно уставился на Хань Цзина. Мысль о невыносимой, ломающей всю его жизнь беременности в сочетании с унижительной слабостью окончательно лишила генерала самообладания. Морис выплеснул всю скопившуюся внутри безысходную злость на того, кто был тому виной.

— Не забывайся, Хань Цзин! Я твой непосредственный командир! Ты не имеешь права допрашивать меня или лезть в мою жизнь!

Ледяной тон Мориса хлестнул наотмашь, безжалостно напоминая о субординации и целясь в самое больное место. Хань Цзин мгновенно переменился в лице. Он резко отстранился и разжал объятия. Морис опешил — внезапно исчезнувшее тепло чужого тела отозвалось в груди щемящей пустотой.

Хань Цзин замер, крепко сжав кулаки. На мгновение он прижал ладонь к лицу, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Лишь спустя минуту он медленно поднялся на ноги и, прямо посмотрев на высокомерно застывшего генерала, глухо произнес:

— Слушаюсь. Раз это приказ, я больше не пророню ни слова. Видимо, я был слишком наивен, когда надеялся на что-то большее. Нам обоим стоит признать, что мы так и не сдвинулись с мертвой точки с тех самых пор, как встретились в секторе Роедлас.

Бросив эти слова, Хань Цзин развернулся и пошел прочь. Внешне он казался абсолютно спокойным, но в душе бушевал ураган. Ему не хотелось сейчас находиться рядом с Морисом — уязвленное самолюбие заставило его лицом к лицу столкнуться с горькой правдой, которую он так долго пытался игнорировать.

Между ними пролежала непреодолимая пропасть. Одному из них суждено было всегда оставаться на вершине, другому — у его подножия, и это неравенство подтачивало гордость Хань Цзина. Он изо всех сил пытался сократить дистанцию, но чем ближе они становились, тем острее он ощущал эту разницу в статусе. Она давно превратилась в глубокую рану, в наболевший рубец. Хань Цзин мог стерпеть холодность генерала, его невыносимый нрав, но только не прямые упреки в собственном бессилии, безжалостно брошенные ему в лицо.

Морис невольно прижал ладонь к груди, провожая взглядом удаляющуюся спину. На его лице проступила тень смятения — это был второй раз, когда Хань Цзин отворачивался от него так безразлично. Тошнота все еще подступала к горлу, но рвотных позывов больше не было. Осознав, насколько сильно на него подействовал этот уход, Морис ухватился за край раковины и медленно выпрямился. Но Хань Цзин даже не обернулся. Проводив его застывшим взглядом, генерал ощутил, как в груди разливается странная, щемящая тоска, которую он не в силах был подавить.

«Что со мной происходит?»

Морис растерянно посмотрел на свое отражение в зеркале, а затем медленно опустил голову, пряча уязвленную гордость. Спустя пару минут он глубоко вздохнул и с привычно равнодушным видом подошел к дверному проему. Хань Цзин уже сидел на диване в гостиной. Помедлив мгновение, Морис крепко сжал пальцами край двери и с силой захлопнул ее перед самым носом подчиненного.

Услышав оглушительный стук закрывшейся двери, Хань Цзин лишь на секунду оторвался от планшета и слегка приподнял бровь. Он так и не обернулся.

Стиснув зубы, Морис сбросил пропахшую одежду и включил душ, настроив привычную теплую воду. Он прекрасно понимал, что перешел черту, и именно это осознание бесило его сильнее всего. Больше всего на свете генерал ненавидел терять контроль над собой. Это иррациональное, удушающее раздражение бесцеремонно вторгалось в его холодный разум, вздымая бурю эмоций, которую он не мог утихомирить.

Гнев бурлил в его венах. Если бы не этот человек, разве оказался бы он в таком унижительном, безвыходном положении?! А Хань Цзин смеет строить из себя оскорбленную невинность из-за пары резких слов! Самолюбие у него, видите ли, задето! Да если бы Морис шел на поводу у своего эго, он бы давно сошел с ума от ужаса перед происходящим.

При одной только мысли о том, что ему, боевому офицеру, придется лечь на операционный стол ради аборта, Мориса бросало в дрожь. Стоя под струями горячей воды в клубах пара, он тщетно пытался привести в порядок путающиеся мысли.

«Сектор Роедлас? Значит, мы застряли в самом начале?»

«Тогда, в Роедласе...»

Это воспоминание внезапно кольнуло сердце, заставив его болезненно сжаться. Горячая вода стекала по лицу Мориса, а он лишь хмурился, не замечая обжигающих струй.

Сколько бы он ни пытался глубоко дышать, унять щемящую пустоту внутри не получалось. Генерал внезапно замер, наконец осознав, как сильно изменилось его отношение к Хань Цзину.

«Черт бы все побрал!» — в сердцах выругался Морис.

Он прислонился лбом к влажной стене душевой, борясь со сложными, пугающими чувствами. Ему отчаянно не хотелось признавать, что этот мужчина сумел нащупать его уязвимость и пробудить в нем нечто столь хрупкое.

Хань Цзин тем временем сидел в гостиной, просматривая рабочие документы на завтрашний день, но буквы расплывались перед глазами. Мысли путались. Он разрывался между искренней тревогой за состояние Мориса и уязвленной гордостью, которая мешала ему сделать шаг навстречу.

Когда дверь ванной наконец открылась и Морис вышел, Хань Цзин все же обернулся, хотя так и остался сидеть на месте.

Морис одарил его ледяным, колючим взглядом. На душе у Хань Цзина стало совсем скверно. Накатило глухое, непреодолимое чувство усталости. Последние полгода он только и делал, что уступал, терпел и подстраивался под тяжелый характер генерала. Хань Цзин горел ярким пламенем, но всякий раз натывался на неприступную ледяную стену. Ему приходилось ежеминутно угадывать, что скрывается за этой маской равнодушия. Но, похоже, все это время он выдавал желаемое за действительное.

Когда-то ему казалось, что уступчивость генерала в постели вызвана зарождающимся чувством, однако Морис лишь использовал его тело как замену препарату «Содиум». Даже после совместной поездки в Юрику, когда показалось, что лед наконец тронулся, все мгновенно рухнуло. Морис снова отдалился, заперся в своей раковине и теперь отталкивал его с еще большим ожесточением.

Вспоминая ярость, с которой Морис оттолкнул его, несмотря на явную физическую слабость, Хань Цзин чувствовал, как в сердце разливается тупая боль. Тот упорно отвергал любую заботу. В голову лезли самые мрачные мысли: а способен ли Морис вообще принять его? Они были слишком разными. Простой офицер и блистательный аристократ, командующий флотом... Возможно, в глубине души Морис всегда смотрел на него сверху вниз, а его холодная сдержанность была лишь проявлением хорошего воспитания, которым он вежливо очерчивал

границы? Хань Цзин просто ослеп от любви и не замечал очевидного.

От этих мыслей становилось невыносимо тяжело. Опустошенный и разбитый, он сидел неподвижно, погрузившись в тягостное молчание.

Морис лег в постель. Несмотря на дикую усталость и недомогание, сон не шел. Он ворочался с боку на бок, чувствуя себя глубоко несчастным. В конце концов генерал открыл глаза и покосился на пустую половину кровати. Одиночество сквозило в каждом углу просторной спальни. Морис зябко поежился и плотнее закутался в тяжелое одеяло.

Без привычного тепла Хань Цзина его не покидало ощущение промозглой сырости.

Едва из гостиной донеслись тихие шаги, как сердце Мориса предательски екнуло. Он поспешно отвернулся к стене, подставляя вошедшему мужчине подчеркнуто равнодушную спину.

В спальне повисла тяжелая, осязаемая тишина, в которой отчетливо слышался стук собственного пульса и неторопливые шаги Хань Цзина. Внутри у Мориса все напряглось, словно натянутая до предела струна. Эта иррациональная зависимость злила его; хотелось оборвать эти невидимые путы раз и навсегда, но он понимал, что бессилен.

Матрас за его спиной мягко прогнулся — Хань Цзин наконец лег в постель.

Морис лежал не шевелясь, улавливая малейшие шорохи. В абсолютной темноте каждое движение за его спиной казалось оглушительным. Он крепко зажмурился, сдерживая рвущийся наружу вздох.

Часы медленно отсчитывали ночные минуты. Морис безуспешно пытался уснуть, в то время как Хань Цзин, отвернувшись в другую сторону, казалось, спал абсолютно спокойно и безмятежно.

Мориса уколола глухая обида. Он поймал себя на горькой мысли: не прояви он тогда слабость, не приоткрой душу перед этим человеком, сейчас ему не пришлось бы мучиться от столь глупых, унижительных терзаний.

Он сильнее поджал колени. Несмотря на плотное пуховое одеяло, спину продолжало обдувать невидимым сквозняком.

Впервые в жизни он засыпал с чувством полного одиночества и холода, погрузившись в тяжелый, тревожный сон.

Когда он открыл глаза, уже рассвело. Но разбудил его не мягкий утренний поцелуй, а резкий, настойчивый звонок будильника.

Морис на мгновение растерялся, чувствуя, как вчерашняя обида вновь сдавливает горло. Приподнявшись на локте, он наконец повернулся и посмотрел на вторую половину кровати.

В груди болезненно заныло: постель была пуста и уже успела остыть. Хань Цзин ушел, даже не попрощавшись.

Пальцы Мориса судорожно сжали простыню. Привычное самообладание дало трещину, но не успел он справиться с подступившей обидой, как к горлу подкатил новый, резкий спазм тошноты. Зажав рот ладонью, он босиком бросился в ванную комнату.

Склонившись над унитазом, он содрогался в мучительных спазмах. Ему казалось, что это не просто физиология — словно зародившийся внутри плод, чувствуя, что его дни сочтены, намеренно издевался над ним, подвергая столь постыдным мучениям. А тот, по чьей вине все это происходило, преспокойно занимался своими делами!

«Хань Цзин!» — в ярости мысленно выкрикнул Морис.

Он неосознанно прижал ладонь к животу, где уже начала едва заметно проступать мягкая округлость. Осознав, что делает, генерал вздрогнул от отвращения к собственной слабости и испуганно отдернул руку.

— Хань Цзин, тебе не нужно быть настолько дотошным и передавать мне дела в таких мелочах, — Веблен оторвался от светящегося экрана терминала и, крепко сжав плечо коллеги, подбадривающе улыбнулся. — Ты же не на тот свет отправляешься. Это всего лишь первый запуск в рамках миссии SG-I, пробный прыжок. Через полчаса уже вернешься назад! К тому же экспедицию возглавляет сам генерал Морис, так что выброси дурные мысли из головы.

— Понимаю, — вздохнул Хань Цзин. — Но я досконально изучил отчеты по миссии CRN-I. Даже во время разведывательных вылетов в пределах Солнечной системы погибли люди. Что уж говорить о прыжке в неизведанные глубины космоса? Никто не может предсказать, с чем мы там столкнемся.

— Именно поэтому я обязан завершить передачу дел. Вот здесь, — Хань Цзин указал на сложный график на дисплее, — я систематизировал массив данных и наметил решение. Если во время запуска возникнут неполадки, действуйте строго по этой схеме.

Он говорил ровным, сосредоточенным тоном, но за этой деловитостью скрывалось отчетливое желание подстраховаться на самый худший случай.

Веблен посерьезнел. В свое время он принимал участие в завершающем этапе освоения Харона и не понаслышке знал, какова цена малейшей ошибки в глубоком космосе. Решение Хань

Цзина добровольно войти в состав авангарда вызывало у него искреннее уважение.

— Так ты вызвал меня ни свет ни заря только ради этого? — попытался разрядить обстановку Веблен, добродушно усмехнувшись. — Если так переживаешь, зачем вообще вызвался? При отборе научных кадров по выслуге лет твоя кандидатура стояла далеко не первой.

— Я ни на секунду не пожалел, что лечу с авангардом SG-I, — улыбнулся Хань Цзин, передавая Веблену последний информационный чип. — Мне пришлось вывернуться наизнанку, чтобы обойти конкурентов и получить это место. Как насчет кофе? Самое время взбодриться.

— От «Supremo» не откажусь, спасибо, — рассмеялся Веблен. — Из-за твоего раннего подъема у меня, старика, уже суставы ломит.

— Спасибо тебе за все, Веблен, — искренне сказал Хань Цзин.

В самом начале их совместной работы отношения не ладились, доходило даже до открытых конфликтов. Однако за те два месяца, что Хань Цзин фактически руководил проектом, Веблен проявил себя как исключительно честный и преданный делу специалист. Он не только беспрекословно помогал молодому преемнику, но и часто давал ценные практические советы.

Забрав чашку, Веблен подошел к панорамному окну и посмотрел на раскинувшийся внизу сектор Звездных врат, где вовсю кипела работа.

— Тебе пора спускаться. Сегодня ты главный виновник торжества на Базе № 9. Глянь-ка, даже генералы Грант и Гвен прибыли лично.

— Генерал Гвен? — удивленно переспросил Хань Цзин. Имя показалось ему женским.

Веблен указал рукой вниз. Рядом с внушительной фигурой генерала Гранта стояла безупречно сложенная женщина средних лет. На ней был парадный мундир. Золотистые волосы были аккуратно собраны в строгую прическу на затылке. Даже в профиль было видно, что в молодости она отличалась редкой красотой, однако сейчас ее лицо казалось застывшей маской, а суровый, пронзительный взгляд заставлял подчиненных невольно вытягиваться в струнку.

«Морис?!»

Хань Цзин вздрогнул. Его взгляд тут же переместился чуть левее, выхватив из толпы высокую, стройную фигуру в серо-голубом мундире. Длинные золотистые волосы рассыпались по плечам, частично скрывая блеск шитых золотом погон.

— Та дама — и есть пятизвездный генерал Гвен, о которой я говорил, — пояснил Веблен.

— Вот как... — рассеянно пробормотал Хань Цзин.

Он не сводил глаз с далекого силуэта. Мужчина о чем-то увлеченно беседовал со старшими офицерами, но Хань Цзин вдруг нахмурился — интуиция подсказывала, что здесь что-то не так.

Наскоро попрощавшись с Вебленом, Хань Цзин поспешил спуститься в сектор Звездных врат. Когда он подошел ближе, обладатель золотой шевелюры обернулся. Это был не Морис. На Хань Цзина в упор уставилась пара холодных изумрудно-зеленых глаз.

Этот взгляд был оценивающим, почти бесцеремонным. Рассматривая безупречные черты лица стоявшего перед ним мужчины, Хань Цзин с изумлением поймал себя на мысли, что незнакомец неуловимо напоминает Мориса.

— Так это и есть Хань Цзин? — пятизвёздный генерал Гвен повернулась к вошедшему. Ее глаза оказались точно такого же редкого зеленого оттенка.

Хань Цзин внутренне напрягся. Переведя взгляд с женщины на молодого человека, он мгновенно уловил фамильное сходство. Сомнений не было — перед ним стояли мать и сын.

Заметив его изучающий взгляд, Гвен недовольно прищурилась. Несмотря на классическую красоту, в ее чертах не было и капли женской мягкости. Повернувшись к молчаливому сыну, она сухо окликнула его:

— Марко?

Марко наконец отвел взгляд от Хань Цзина и вежливо улыбнулся:

— С вашего позволения, я пойду. Нужно закончить подготовку к забору вещества Тау.

— Успеешь, Марко, — властно оборвала его пятизвёздный генерал Гвен. — Разве ты не хочешь поприветствовать Хань Цзина? По всей видимости, перед тобой будущий спутник жизни Мориса.

— Пятизвёздный генерал Гвен! Выбирайте выражения! — помрачнев, оборвал ее генерал Грант.

— О том, что Морис сожительствует с ним в секторе Роедлас, мне известно давно, — невозмутимо парировала Гвен. — И я лично не вижу причин возражать. Если Морису так угодно, моя сестра Кэтрин наверняка тоже одобрила бы этот союз.

— Хань Цзин, тебе не нужно оглядываться на генерала Гранта, — продолжила Гвен, повернувшись к молодому человеку. — Если вы действительно решили быть вместе, мы с Марко полностью на вашей стороне. Ведь так, Марко?

Марко мягко улыбнулся:

— Мама, я вообще-то христианин. И в том, что касается Мориса... я предпочитаю не давать советов.

— Христианин? Демонстрировать христианское смирение перед лицом тайн Атлантиды? Какая нелепость! Я ведь уже говорила тебе: религия — лишь суррогат для слабых духом. Никакого Бога не существует.

Пятизвёздный генерал Гвен вновь смягчила тон, словно вела внутренний спор с самой собой:

— Но если это твой задокументированный выбор, я не стану вмешиваться. В конце концов, я не твой дядя, генерал Грант, чтобы диктовать тебе правила жизни.

«...»

Хань Цзин ошеломленно молчал, чувствуя себя крайне неловко в кругу этой высокопоставленной семьи. То, что перед ним близкие родственники Мориса, стало для него полной неожиданностью. Скользнув взглядом по знакам отличия маршала Гвен, он понял, что она носит высшее воинское звание — маршала, равного по статусу самому генералу Гранту. Происхождение Мориса и масштаб его семьи казались Хань Цзину чем-то запредельным.

<http://bllate.org/book/19677/2006434>